Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Приложеніе къ № 11 Рабочаго Дѣла.

283. Мартынов
Государственная историческая библиотека РСФСР
1300265

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ И РАБОЧІЙ КЛАССЪ.

Два теченія въ русской соціальдемократіи.

I.

Проклятый вопросъ, который стоялъ передъ русскими революціонерами еще вѣкъ тому назадъ, до сихъ поръ не рѣшенъ. До сихъ поръ самодержавіе давитъ, какъ тяжелый кошмаръ, пробуждающіяся силы Россіи. А мы все споримъ: у насъ все еще существуютъ разногласія насчетъ путей и средствъ для освобожденія отъ этого кошмара даже въ одномъ и томъ же лагерѣ соціальдемократіи, гдѣ такихъ разногласій не должно было бы быть.

Обыкновенно разноголосица возникаетъ тогда, когда жизнь сама не подсказываетъ, что̀ дѣлать, когда общественное настроеніе бываетъ пониженное, когда господствуетъ уныніе и пессимизмъ. Теперь дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Повсюду молодежь *ищетъ приложенія своихъ силъ къ революціонному дѣлу, повсюду* обнаруживается жажда революціонной борьбы. Но съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности молодые люди дѣлаются свидѣтелями ожесточенныхъ споровъ между представителями разныхъ теченій. Съ первыхъ же шаговъ молодой человѣкъ выноситъ изъ своего революціоннаго опыта нѣкоторое чувство разочарованія: кто же изъ нихъ правъ, спрашиваетъ онъ себя, за кѣмъ идти, что̀ дѣлать?

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ всякій, кому дорого революціонное дѣло, обязанъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы устранить разногласія, царящія въ одномъ лагерѣ, чтобы выяснить, наконецъ, что же мѣшаетъ намъ дружно работать, что̀ же насъ раздѣляетъ—принципіальныя разногласія, или разница въ тактическихъ пріемахъ, или, наконецъ, простое взаимное непониманіе?

Къ сожалѣнію, вмѣсто того, чтобы устранить эти разногласія, нѣкоторые стараются какъ будто еще болѣе затемнить вопросъ. Укажемъ для примѣра на новѣйшій фактъ изъ литературы.

Въ № 9-мъ Рабочаго Дѣла была помѣщена статья Мартынова „Насѣдные вопросы“. Редакція журнала въ примѣчаніи указываетъ, что, хотя статья написана еще до весеннихъ событій, она „не теряетъ своего глубокаго интереса въ качествѣ *новой*

попытки выработать принципы тактики рабочаго движенія на основѣ анализа какъ психики рабочаго, такъ и въ особенности самодержавнаго строя".

И вотъ въ недавнее время появляется брошюра „Профессіональные союзы", изданная организаціей „Соціальдемократъ", съ предисловіемъ Кольцова. Авторъ предисловія, произвольно отождествляя слово „новая попытка" со словами „первая попытка", пользуется случаемъ, чтобы обрушиться на редакцію Раб. Дѣла за ея слабую память. Онъ доказываетъ ей обстоятельно, что еще въ 98 г. въ „Работникѣ", издававшемся подъ редакціей группы „Освобожденіе Труда", лицо, весьма близко стоявшее къ петербургскимъ соціальдемократамъ, помѣстило статью по вопросу о несовмѣстимости самодержавія съ развитіемъ рабочаго движенія, статью, которая, кстати говоря, ничего общаго не имѣетъ по содержанію со статьей Мартынова.

Но этого мало. Статья Мартынова начинается со слѣдующихъ строкъ: „По мѣрѣ развитія нашего *рабочаго* движенія въ немъ сильнѣе и сильнѣе начинаетъ пробиваться политическая струйка". Для подтвержденія этого положенія Мартыновъ указываетъ на проявленія политической жизни рабочихъ и на характеръ агитаціонной литературы, которая издавалась въ послѣднее время въ Россіи въ тѣсной связи съ растущими запросами рабочаго движенія, на Манифестъ образовавшейся въ Россіи Соціальдем. Раб. Партіи и т. д. Ясно, что Мартыновъ указываетъ на факты, прямо или косвенно свидѣтельствующіе о теперешнемъ политическомъ настроеніи рабочихъ, участвующихъ въ движеніи. Но мысль, высказанная Мартыновымъ, касается одного изъ спорныхъ теперь вопросовъ. И вотъ Д. Кольцовъ торопится затемнить эту мысль. Цитируя „дословно (!)" приведенное нами мѣсто, онъ выбрасываетъ изъ него, безъ всякаго указанія на то, существенное слово „рабочаго"*), а затѣмъ строитъ на пескѣ почти цѣлую статью. Онъ возражаетъ долго и обстоятельно противъ мнимаго утвержденія Мартынова, будто въ нашей соціальдемократической литературѣ политическая струйка начала пробиваться лишь въ послѣдніе годы. Онъ доказываетъ, что еще въ 1897 г. В. Засуличъ въ послѣсловіи къ брошюрѣ „Десятилѣтіе Морозовской стачки" изобличала самодержавіе. Итакъ, на то положеніе, что *рабочее* движеніе послѣднихъ лѣтъ принимаетъ все болѣе яркую политическую окраску, намъ возражаютъ, что В. Засуличъ еще въ 97 г. была революціонно настроена и понимала роль самодержавія въ Россіи. За *забвеніе* якобы этой истины насъ упрекаютъ въ томъ, что мы не помнимъ родства, что мы забываемъ прошлую дѣятельность гр. О. Т. Упрекъ этотъ несправедливъ: мы не только помнимъ свое родство съ гр. О. Т., мы помнимъ даже наше болѣе

*) См. стр. XI предисловія, въ примѣчаніи.

дальнее родство съ революціонерами 70-хъ годовъ. Мы не только помнимъ то, что В. Засуличъ писала въ „Работникѣ" въ 97 г., мы помнимъ также про выстрѣлъ В. Засуличъ въ 78 г., который не менѣе убѣдительно, чѣмъ ея статья, обнаружилъ ея отношеніе къ самодержавію. Но вѣдь рѣчь идетъ у насъ не о Вѣрѣ Засуличъ и не о гр. О. Т., а о рабочихъ, о рабочемъ движеніи.

Въ интересахъ дѣла, которому мы служимъ, намъ разъ навсегда нужно отказаться отъ такихъ полемическихъ пріемовъ, которые навѣяны организаціонными соображеніями и болѣе способствуютъ затемненію вопросовъ, нежели ихъ рѣшенію. Это первое.

А затѣмъ, если мы хотимъ рѣшить вопросъ, мы должны его правильно поставить. Со времени появленія гр. „Искры" и „Зари" намъ не разъ приходилось читать на страницахъ ея изданій заявленіе, что гр. О. Т. всегда указывала на низверженіе самодержавія, какъ на ближайшую политическую задачу русской соціальдемократіи. Это утвержденіе можетъ заронить мысль, что какая-нибудь изъ существующихъ теперь соціальдемократическихъ организацій иначе смотритъ на дѣло. Съ этимъ недоразумѣніемъ надо разъ навсегда покончить: *Всѣ соціальдемократическіе комитеты одинаково считаютъ, что ближайшая политическая задача нашей партіи есть низверженіе самодержавія, и тѣ, кто пытается на этотъ счетъ заронить у кого-нибудь сомнѣніе, сѣютъ лишь смуту въ умахъ.*

Разногласія у насъ существуютъ, но это разногласія не принципіальныя, а тактическаго свойства.

Вопросъ въ томъ, какой путь *прямѣе* ведетъ къ рѣшенію этой ближайшей задачи, которую мы всѣ себѣ ставимъ. Вопросъ въ томъ, гдѣ *главный* источникъ, откуда соціальдемократы могутъ почерпнуть силу и энергію для рѣшенія этой задачи? По отношенію къ этому тактическому вопросу, какъ мы увидимъ, съ самаго возникновенія нашего соціальдемократическаго рабочаго движенія у насъ существовали два теченія. Къ одному теченію принадлежала гр. О. Т. и тѣсно примыкающія къ ней лица; къ другому принадлежатъ соціальдемократическіе дѣятели въ Россіи и тѣсно связанныя съ ними заграничныя организаціи. Для рѣшенія спора между этими двумя теченіями, нужно прежде всего апеллировать не къ этимъ тяжущимся сторонамъ, а къ нашимъ общимъ революціоннымъ предшественникамъ.

Революціонная борьба, достигшая крайняго напряженія 20 лѣтъ тому назадъ, обнаружила небывалую еще въ русской исторіи энергію. Этотъ урокъ не могъ и не долженъ былъ пройти безслѣдно для будущихъ поколѣній. Если мы хотимъ опредѣлить, гдѣ у насъ въ Россіи главный источникъ революціонной энергіи, то прежде всего нужно обратиться къ опыту, завѣщанному намъ прошлымъ революціоннымъ движеніемъ, — намъ прежде всего

нужно отдать себѣ ясный отчетъ, *откуда революціонеры 60-хъ и 70-хъ гг. черпали свою нравственную энергію для борьбы.* Съ этого вопроса мы и начнемъ.

II.

Въ 1857 году, открывающемъ собою освободительную эру въ Россіи, заграницей было положено основаніе герценовскаго „Колокола“. Ни до, ни послѣ того Россіи не приходилось читать такого талантливаго и пламеннаго обличенія самодержавія, какъ на страницахъ „Колокола“. Газета эта стала издаваться наканунѣ небывалаго общественнаго подъема, и все какъ будто говорило за то, что ея успѣхъ будетъ расти параллельно съ ростомъ начинавшагося революціоннаго движенія въ Россіи. Но оказалось на дѣлѣ совсѣмъ иное. Послѣ реформы 19-го февраля, по мѣрѣ увеличенія умственнаго броженія среди русской молодежи, „Колоколъ“ замѣтно переставалъ пользоваться симпатіями, и Герценъ, знакомясь съ молодежью, пріѣзжающей заграницу, самъ съ горечью констатировалъ, что она къ нему охладѣваетъ; а послѣ 63-го года, — послѣ польскаго мятежа, — „Колоколъ“ сразу потерялъ значительное число своихъ читателей и продолжалъ медленно умирать естественною смертью. Вотъ первая загадка, которую поставило революціонное движеніе 60-хъ годовъ въ моментъ своего возникновенія,—загадка, имѣющая глубокій смыслъ.

„Колоколъ“ лишился сразу многихъ читателей послѣ польскаго мятежа, въ моментъ кризиса либерализма 60-хъ годовъ, и это одно уже свидѣтельствуетъ, что главнымъ читателемъ „Колокола“ былъ россійскій либералъ, не обладающій никакой политической устойчивостью и никакой революціонной энергіей. Герценъ передъ реформой провелъ вмѣстѣ съ россійскими либералами „пять лѣтъ ожиданія“, обращеннаго къ русскому правительству. Когда же оказалось, что ожиданія эти не сбылись, Герценъ остался одинокъ, а либералы стали понемножку приспособляться къ подлости, и въ концѣ концовъ, послѣ польскаго мятежа бросились въ патріотическія объятія Каткова. Еще въ 60-мъ году Герценъ убѣдился, что ожиданія безплодны, и призывалъ общество „ослабить правительство своимъ неучастіемъ“ въ правительственныхъ дѣлахъ, или, какъ онъ говорилъ, въ „дѣлопроизводствѣ“ правительства. Но общество предпочло, говоря словами Герцена, „остаться изъ благодарности съ правительствомъ, какъ мыши съ тонущимъ кораблемъ“. Герценъ перешелъ въ лагерь непримиримыхъ и обратился къ молодежи съ воззваніемъ идти въ народъ; но было уже поздно. Молодежь его не слушала. Она осталась равнодушна къ ярой литературной борьбѣ Герцена съ правительствомъ, потому что Герценъ былъ чуждъ ей. Онъ не

понималъ, куда направлены ея симпатіи, не понималъ расправлявшаго свои крылья разночинца, героя наступающаго времени.

Разночинецъ того времени пробуждался для могучаго протеста противъ узъ, которыя непосредственно опутывали его личность, противъ вѣковыхъ соціальныхъ обидъ, которымъ онъ, какъ черная кость, какъ сынъ простонародья, подвергался на каждомъ шагу, противъ семейнаго самодурства, противъ аристократической спѣси, противъ вынужденнаго невѣжества, противъ привилегій богатства и т. д. Въ этомъ протестѣ не было еще политическаго элемента. Это былъ протестъ во имя непосредственныхъ личныхъ интересовъ, который часто принималъ даже по внѣшности грубыя матеріалистическія формы. Но, въ виду того, что протестъ этотъ вытекалъ изъ пробудившихся жгучихъ интересовъ закаленнаго трудовой жизнью разночинца, въ виду того, что эти интересы объективно находились въ непримиримомъ противорѣчіи со всѣмъ соціально-политическимъ режимомъ Россіи, — въ немъ было гораздо больше скрытой революціонной энергіи, чѣмъ въ пламенномъ политическомъ обличеніи Герцена, слишкомъ оторваннаго отъ нарождающихся бодрыхъ общественныхъ силъ. Герценъ былъ соціалистъ-самобытникъ. Онъ раздѣлялъ господствовавшую въ то время мысль, что въ крестьянствѣ готова разразиться революція. Но, выросши и воспитавшись въ барской обстановкѣ, онъ сохранилъ на всю жизнь аристократическій страхъ передъ этой народной революціей.

Вотъ почему онъ возлагалъ свои надежды на „общество“, а одно время даже на правительство и, аппелируя къ нему *во имя* интересовъ народа, пугалъ его ужасами революціи, которые онъ самъ раздѣлялъ.

Идейные вожаки разночинцевъ, Чернышевскій и Добролюбовъ, были соціалисты въ болѣе истинномъ смыслѣ этого слова и вѣрили въ близость народной революціи. Но, воспитавшись въ атмосферѣ жестокой борьбы за существованіе и борьбы за человѣческое достоинство, они не пугались народной революціи, а напротивъ того, съ вожделѣніемъ ее ожидали.

Если Чернышевскій передъ самымъ моментомъ реформы обратился тоже съ предостереженіями къ правительству и дворянству, которыя затягивали дѣло освобожденія, то онъ, по собственному признанію, сдѣлалъ это по чужому настоянію и противъ воли: „Надо же—говорилъ онъ—мнѣ когда-нибудь глупость сдѣлать“. А главное, онъ обращался къ правительству и дворянству *не во имя народа*, а *отъ имени* народа. Онъ предупреждалъ дворянъ, что если они, по обычной дворянской дряблости и нерѣшительности, по примѣру тургеневскихъ героевъ, упустятъ моментъ, то ихъ ожидаетъ народная расплата по всей строгости законовъ, и тутъ же оговаривался, что онъ ихъ предупреждаетъ, впрочемъ, изъ излишней по отношенію къ нимъ любезности и

внимательности, которой они не заслужили (см. „Русскій человѣкъ на rendez-vous“), а въ сущности ему до нихъ никакого дѣла нѣтъ. Во всѣхъ произведеніяхъ Чернышевскаго чувствовалась сила пробуждающагося разночинца.

Вотъ это-то различіе въ по иціяхъ Герцена и соціалистовъ изъ разночинцевъ даетъ намъ ключъ къ раскрытію загадки, о которой мы говорили. Въ этомъ нужно искать объясненія тому, что герценовское вліяніе въ 60-хъ годахъ быстро пошло на убыль, а изъ соціализма, связаннаго съ личнымъ протестомъ разночинца, выросло все послѣдующее революціонное движеніе 70-хъ годовъ.

Этотъ знаменательный фактъ далъ намъ двойной урокъ.

Во-первыхъ, онъ показалъ намъ, что *политическая агитація въ русской литературѣ, которая не ведется отъ имени угнетенныхъ слоевъ народа и разсчитана прежде всего на сочувствіе либеральнаго общества, лишена революціоннаго значенія.* Этотъ урокъ до сихъ поръ сохраняетъ свою силу, потому что до сихъ поръ россійскій либералъ не измѣнилъ своей безславной традиціи. До сихъ поръ онъ въ душѣ мечтаетъ о конституціи, а говорить объ этомъ осмѣливается лишь тогда, когда правительство находится въ критическомъ положеніи, когда оно само призываетъ его съ высоты престола къ содѣйствію въ борьбѣ съ революціонной гидрой или съ другими напастями. Россійскій либералъ непрочь воспользоваться свободой и непремѣнно воспользуется ей при первомъ удобномъ случаѣ, но завоевывать ее онъ предоставляетъ другимъ, предпочитая загребать жаръ чужими руками.

Другой урокъ, который намъ дало движеніе 60-хъ годовъ, заключается въ слѣдующемъ:

Если угнетенный слой народа проникся вѣрой въ свою историческую будущность, если онъ созналъ свою силу, то его борьба за свои непосредственные соціальные интересы, поскольку они непримиримы съ господствующимъ режимомъ, имѣютъ глубоко революціонный характеръ. Если даже она почему-либо не облеклась сразу въ политическую форму, она фатально приметъ эту форму. Краснорѣчивымъ подтвержденіемъ этой истины служитъ вся исторія революціоннаго движенія 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Разночинцы сами по себѣ не представляли достаточно широкаго и опредѣленнаго общественнаго класса, способнаго создать крупное соціальное движеніе. Изолированный протестъ во имя личнаго счастья легко могъ привести и нерѣдко приводилъ къ тому, что разночинецъ, завоевавши независимое положеніе, успокаивался, подобно Молотову, на мѣщанскомъ счастьи.

Но идейные вожаки разночинца 60-хъ годовъ,—Чернышевскій и вся плеяда окружавшихъ его писателей, — усвоившіе соціалистическіе идеалы Зап. Европы, пріобщали къ этимъ идеаламъ

рвавшагося изъ темнаго царства разночинца. Они расширяли его умственный горизонтъ, расширяли его, такъ сказать, классовое самосознаніе. Они указывали разночинцу на общность его интересовъ съ интересами и стремленіями многомилліонной крестьянской массы, которая такъ же, какъ и онъ, живетъ трудовой жизнью, такъ же, какъ и онъ, стонетъ подъ гнетомъ соціальной несправедливости.

Если Чернышевскій выяснялъ разночинцу „что дѣлать“ для того, чтобы честно и разумно устроить свою личную жизнь, то онъ при этомъ никогда не забывалъ прямо или косвенно намекнуть на то, что Вѣры Павловны, Лопуховы и Кирсановы представляютъ изъ себя лишь первые „блуждающіе огоньки“, отъ которыхъ загорится великій народный пожаръ. Сознаніе разночинца, что онъ является носителемъ интересовъ и стремленій многомилліонной трудящейся массы, окрыляло его воображеніе, удесятеряло его энергію и побуждало его расширить свой личный протестъ въ протестъ всего угнетеннаго и трудящагося народа во имя соціально-экономическихъ его интересовъ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ разночинецъ пошелъ въ народъ призывать его къ соціальной революціи, а за разночинцемъ туда же пошла искупать цѣну прогресса и выплачивать долгъ народу дворянская молодежь, порвавшая со своей средой и сжегшая за собой корабли.

Всѣ, шедшіе въ 70-хъ гг. въ народъ, одинаково вѣрили, что въ крестьянствѣ вспыхнетъ соціальная революція, и одинаково черпали въ этой вѣрѣ бодрость и энергію для борьбы. Но не всѣ прибѣгали къ одинаковымъ тактическимъ пріемамъ для того, чтобы вызвать эту революцію. Послѣ перваго неудачнаго опыта хожденія въ народъ съ цѣлью вызвать соціальную революцію путемъ пропаганды, возникло и быстро получило преобладаніе бунтарство, стремившееся къ той же цѣли путемъ агитаціи на почвѣ аграрно-экономическихъ интересовъ крестьянъ. Зародышъ этого теченія нужно искать въ Обществѣ „Земля и Воля“ 1861 г. и въ богатой литературѣ 60-хъ гг. о народныхъ бунтахъ въ Россіи. Наряду съ растущимъ бунтарствомъ пропагандистское теченіе сохранилось временно лишь у такъ называемыхъ „лавристовъ“, которые занимались *мирной* соціалистической пропагандой и скоро сошли со сцены. Къ этому времени общая жизнь и общіе интересы кающейся дворянской молодежи и протестующаго разночинца настолько породнили ихъ, что трудно было бы размежевать вліяніе этихъ двухъ различныхъ соціальныхъ типовъ на общее революціонное движеніе. Тѣмъ не менѣе, можно почти съ увѣренностью сказать, что въ бунтарствѣ отразился практическій боевой духъ разночинца. Проповѣдь соціализма нашла живой откликъ въ душѣ разночинца, потому что она шла навстрѣчу пробудившемуся въ немъ протесту противъ кровныхъ обидъ, ко-

торыя наносила ему окружающая обстановка на каждомъ шагу. Бунтарь тоже старался разбудить народъ путемъ агитаціи на почвѣ самыхъ жгучихъ злободневныхъ экономическихъ интересовъ крестьянъ.

Конечно, и лавристская, и бунтарская тактика были одинаково односторонни и потому негодны. Но слѣдуетъ все-таки отмѣтить, что тактика лавристовъ не привела ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Тактика же бунтарей имѣла нѣкоторый, хотя и весьма незначительный успѣхъ.

Опыты хожденія въ народъ въ общемъ были и не могли не быть неудачными. Но эти опыты представляютъ для насъ теперь интересъ не столько по эффекту, который они производили на народъ, сколько по эффекту, который они производили на самихъ революціонеровъ. Революціонеры, принимавшіе участіе въ двухъ послѣдовательныхъ волнахъ хожденія въ народъ, горячо вѣрили въ соціальную революцію и были энтузіастами соціализма, но соціализма, какъ они его понимали, т. е. такого, который носилъ болѣе или менѣе ясно выраженный анархическій характеръ. Всѣ они, оставаясь соціалистами, относились съ полнымъ и сознательнымъ пренебреженіемъ къ политической борьбѣ, какъ къ чему-то, могущему лишь отдалить достиженіе конечной великой цѣли—соціальной революціи. Но, вопреки анархическому предразсудку, интересы борьбы фатально толкали ихъ на политическій путь. Мало того, идея политическаго террора прежде всего зародилась на югѣ—въ Кіевѣ—именно тамъ и въ той средѣ, гдѣ безраздѣльно царило бунтарство, тактика агитаціи на почвѣ непосредственныхъ экономическихъ интересовъ народа. Какъ извѣстно, въ Кіевѣ возникла впервые идея Исполнительнаго Комитета.

Мы подчеркиваемъ это, конечно, не потому. что мы безразлично относимся къ политическимъ предразсудкамъ народниковъ 70-хъ гг., не потому, что мы считаемъ разумнымъ доходить слѣпо до того, до чего нужно доходить сознательно. Мы хотимъ лишь отмѣтить, какимъ революціоннымъ стимуломъ послужила *самая борьба*, когда она велась, какъ казалось, отъ имени трудящагося народа и когда вѣрилось, что все громадное сермяжное море готово поддержать эту борьбу. Мы хотимъ лишь сказать, что, если для такой борьбы политическій сторой становится непреодолимой преградой, то у борцовъ хватитъ и охоты, и отваги вступить въ рѣшительную борьбу съ политическимъ строемъ, даже вопреки ихъ предвзятому пренебреженію къ политикѣ.

Крушеніе попытокъ хожденія въ народъ натолкнуло землевольцевъ на мысль о политическомъ террорѣ для самозащиты и для дезорганизаціи правительства, стоящаго на пути ихъ дѣлу; а партія Народной Воли, выдѣлившаяся изъ ихъ среды въ 1879

году, пошла еще дальше: она сосредоточила главныя свои силы на политическомъ террорѣ съ цѣлью захвата власти.

Политическая борьба Народной Воли, независимо отъ ея пріемовъ, прямо и логически вытекала изъ всей предшествовавшей борьбы соціалистовъ-народниковъ, которая велась за соціально-экономическіе интересы народа, и, какъ имъ казалось, выражала сокровенныя желанія самого народа.

Небывалый героизмъ, который проявили народовольцы 79-81 гг., можно объяснить только тѣмъ, что они сохранили вѣру своихъ предшественниковъ въ народную революцію, вѣру въ то, что за ихъ спиной стоитъ народная масса, имъ сочувствующая, что они являются лишь исполнителями воли народа.

Въ послѣднее время существуетъ довольно распространенное мнѣніе,—высказанное, между прочимъ, на страницахъ Искры,—которое расходится съ тол ко-что изложеннымъ взглядомъ. Согласно этому мнѣнію, народовольческій терроръ вытекалъ изъ экономической агитаціи народниковъ, какъ одна крайность изъ другой, какъ результатъ разочарованія въ прошломъ. Это мнѣніе одностороннее и, какъ таковое, невѣрно.

„Двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ—читаемъ мы въ № 3 Искры, въ статьѣ В. Засуличъ—терроръ зародился на почвѣ безнадежности разбудить крестьянъ. Для многихъ изъ террористовъ онъ былъ лишь оружіемъ отчаянія, заставляющимъ отдавать жизнь за то только, чтобы... заставить корчиться удава“ и т. д. Это—чисто ретроспективное отношеніе къ исторіи, объясняющее вѣрно, почему Народная Воля 80-хъ гг. потерпѣла крушеніе, но нисколько не объясняющее, почему она раньше достигла такой силы.

Мнѣніе Искры примѣнимо къ народовольцамъ середины 80-хъ гг., а не къ народовольцамъ 79—81 гг. Разочарованіе въ прежней дѣятельности можетъ породить у большинства пассивное желаніе, чтобы со стороны явился мститель. Отчаяніемъ можно объяснить поступокъ отдѣльнаго лица. Но при такомъ объясненіи остается совершенно непонятнымъ, откуда народовольцы почерпнули энергію на небывалую по героизму систематическую борьбу съ самодержавіемъ. Разочарованіе въ возможности поднять крестьянъ объясняетъ упадокъ бунтарства, но не объясняетъ существованія народовольчества. Дѣло, очевидно, обстояло не такъ просто. Народовольцы 79—81 гг. бодро шли одинъ за другимъ на смерть, потому что они вѣрили въ свою побѣду, потому что они вѣрили въ близость соціальной революціи. Они приписывали предшествовавшія неудачи не тому, что народъ не проникнутъ соціалистическими стремленіями, а тому, что правительство не допускаетъ соціалистовъ къ народу. Они не потеряли вѣру въ готовность народа совершить возстаніе, они разочаровались лишь въ возможности это выполнить при данныхъ политическихъ условіяхъ. Они

были убѣждены, что, когда имъ удастся созвать учредительное собраніе, народъ выскажется за нихъ,—за соціалистовъ,—а не за ихъ противниковъ. Вотъ почему, по мнѣнію большинства изъ нихъ, политическій переворотъ въ Россіи совпадетъ съ соціальнымъ переворотомъ. И самое названіе—Народная Воля—означало въ такой же мѣрѣ la liberté du peuple, какъ и la volonté du peuple. Они считали себя въ такой же мѣрѣ борцами за свободу народа, какъ истинными выразителями воли народной.

Прошлое революціонное движеніе достигло своего кульминаціоннаго пункта 1-го марта 1881 г. Все это движеніе выросло изъ освѣщеннаго соціалистическимъ идеаломъ протеста разночинца 60-хъ годовъ во имя непосредственныхъ интересовъ его личности, который вскорѣ расширился въ протестъ отъ имени всего угнетеннаго народа за его насущнѣйшіе интересы. Вѣра въ молчаливое сочувствіе народа была главнымъ источникомъ нравственной силы этого движенія; эта вѣра не была плодомъ одного лишь недоразумѣнія. Она объяснялась отчасти тѣмъ, что крестьянская масса послѣ реформъ, въ переходный моментъ русской исторіи, переживала сильное броженіе, была проникнута страстнымъ ожиданіемъ земли и воли, а отчасти—тѣмъ, что революціонная интеллигенція неосновательно отожествляла эти стремленія народныя съ соціалистическими идеями, которыя она заимствовала изъ Зап. Европы. Но къ тому времени, когда борьба народовольцевъ достигла своего апогея, крестьянство уже успѣло сильно дифференцироваться, его устои успѣли сильно расшататься, и ожиданія земли и воли не раздѣлялись уже всѣми крестьянами. Къ тому же времени у революціонной интеллигенціи стали зарождаться сомнѣнія насчетъ тождественности ея идеаловъ со стремленіями крестьянства.

1-е марта послужило пробнымъ камнемъ для теоріи революціоннаго народничества; оно ясно д казало, что соціалистамъ разсчитывать на революціонную поддержку со стороны крестьянства, какъ такового, нѣтъ основанія, и это рѣшило судьбу Народной Воли. Народовольцы выступили на террористическій путь, потому что они разубѣдились въ возможности совершить революцію непосредственно черезъ народъ. Но ихъ нравственно поддерживало сознаніе, что они все-таки являются лишь застрѣльщиками народной революціи, что они все-таки являются исполнителями завѣтныхъ стремленій народа. Благодаря этому сознанію, они не только не возлагали надеждъ на политическую силу буржуазіи и на буржуазную конституцію, но считали одной изъ главныхъ своихъ задачъ предупрежденіе *такихъ* политическихъ перемѣнъ. Но послѣ 1 марта они стали утрачивать это сознаніе. На одовольцы 80-хъ гг. потеряли надежду на поддержку со стороны крестьянства и тѣмъ самымъ лишились главнаго источника революціонной энергіи. Они дѣлали еще революціонныя попытки не отъ имени народа, а ради его интересовъ. Они дѣлали еще попытки заговора путемъ объединенія всѣхъ оппозиціонно-революціонныхъ элементовъ общества, дѣлали попытки террора отчаянія, террора для устрашенія правительства и для вынужденія его на политическіе уступки, но попытки эти не имѣли никакого успѣха, потому что внѣ угнетенныхъ широкихъ слоевъ народа у насъ негдѣ искать твердой нравственной опоры для революціонной борьбы. При такомъ положеніи дѣла партія Народной Воли неизбѣжно должна была исчезнуть. Большинство бывшихъ народовольцевъ слилось съ мирнымъ народничествомъ, а часть пошла гораздо дальше, въ сторону реакціоннаго народничества въ духѣ В. В., Юзова, которые проповѣдывали, что намъ, дескать, можно поступиться для народа, чтобы не помѣшать правительству проводить экономическія реформы, проповѣдывали маленькія дѣла, артельныя начинанія и т. д.

Еще задолго до исчезновенія партіи Народной Воли, но тогда, когда она уже замѣтно стала склоняться къ упадку, заграницей возникла Группа „Освобожд. Труда“, которая впервые воздвигла у насъ соціальдемократическое знамя. Какое же наслѣдство наша соціальдемократія могла принять отъ прежняго движенія и отъ какого она должна была отказаться?

Опытъ 60-хъ и 70-хъ гг. показалъ, что *революціонное движеніе въ Россіи можетъ черпать свою энергію лишь въ пробудившихся къ жизни и борьбѣ и сознавшихъ свою силу угнетенныхъ слояхъ народа.* Этотъ принципъ былъ исходной точкой движенія 60-хъ и 70-хъ гг. и проходилъ красной нитью черезъ него, покуда оно сохраняло энергію, и этотъ принципъ мы, соціальдемократы, обязаны были унаслѣдовать отъ прежнихъ русскихъ революціонеровъ. Но революціонеры 60-хъ и 70-хъ годовъ, жившіе и дѣйствовавшіе въ переходный моментъ русской исторіи, построили свое понятіе о народѣ не на основаніи великаго историческаго процесса, котораго не могла и не можетъ избѣгнуть ни одна европейская страна и который дифференцируетъ народъ на два крупныхъ класса,—на работающихъ пролетаріевъ и собственниковъ, живущихъ ихъ трудомъ, — а на основаніи временнаго состоянія неустойчиваго равновѣсія, въ которомъ находилось наше крестьянство послѣ реформы. Народники 60-хъ и 70-хъ гг., считая возможнымъ непосредственный скачекъ изъ натуральнаго крестьянскаго уклада жизни въ соціалистическій строй, сами, впрочемъ, сознавали, какъ шатокъ тотъ базисъ, на которомъ они строили свои надежды. Видя, что народные устои съ каждымъ днемъ расшатываются, они съ лихорадочной быстротой торопились предупредить историческій процессъ и направить его въ другое русло. „Теперь, или еще немножко, или никогда“—говорилъ Ткачевъ. И это мнѣніе въ большей или меньшей степени раздѣляли всѣ революціонеры-народники.

Отъ этой шаткой принципіальной основы революціоннаго движенія 60-хъ и 70-хъ гг., отъ этого наслѣдства мы должны были отказаться. Мы должны были искать опоры для своей дѣятельности въ твердыхъ принципахъ научнаго соціализма и признать базисомъ нашего революціоннаго движенія не народъ въ его старомъ, расплывчатомъ опредѣленіи, а пролетаріатъ, который у насъ былъ хотя и малочисленъ, но ряды котораго неизбѣжно должны были увеличиваться съ каждымъ годомъ и которому принадлежало все историческое будущее. Словомъ, мы должны были примкнуть къ всемірной соціальдемократіи. Группа „Освобожденіе Труда“ впервые стала пропагандировать въ Россіи эту идею,—и въ этомъ ея крупная заслуга передъ русской исторіей. На парижскомъ интернаціональномъ конгрессѣ въ 1889 году Г. Плехановъ высказалъ эту идею въ наиболѣе ясной и категорической формѣ: „Русское революціонное движеніе восторжествуетъ какъ рабочее движеніе, или вовсе не восторжествуетъ“.

III.

Итакъ, задача, наконецъ, была поставлена правильно. Вопросъ теперь былъ въ томъ, какъ эту задачу практически привести въ исполненіе.

Изъ исторіи 60-хъ и 70-хъ гг. мы видѣли, что соціалистическія идеи, заимствованныя нами у Запада, породили у насъ революціонное движеніе прежде всего потому, что онѣ шли навстрѣчу запросамъ пробудившагося къ протесту разночинца, а отчасти потому, что въ это время крестьянская масса, не удовлетворенная реформой, переживала сильное соціальное броженіе. Опытъ 60-хъ и 70-хъ гг. намъ показалъ, что, если идеи служатъ маякомъ, освѣщающимъ путь революціонному движенію, то въ то же время вся энергія движенія черпается изъ борьбы угнетаемаго слоя народа за его жгучіе соціальные интересы. Послѣдовавшее у насъ соціальдемократическое движеніе послужило новымъ подтвержденіемъ этой истины.

Историческая заслуга группы О. Т. заключалась въ томъ, что она подвергла критикѣ народническое міросозерцаніе, терявшее подъ собой почву, и теоретически примѣнила соц.-демократическія идеи къ русской жизни. Но, когда марксизмъ у насъ замѣтно сталъ одолѣвать народничество, непосредственное вліяніе группы Осв. Тр. стало явно падать. Вся борьба съ революціоннымъ народничествомъ потеряла свой животрепещущій интересъ. Для того чтобы идеи, посѣянныя гр. Осв. Тр., выросли въ революціонное движеніе, потребовался импульсъ изъ Россіи. И такимъ импульсомъ послужилъ голодъ 91-92 гг., который оживилъ рабочее движеніе, всколыхнулъ народъ и часть интеллигенціи, отзывчивую къ народнымъ бѣдствіямъ. Подъ вліяніемъ этого импульса началась усиленная пропагандистская и агитаціонная дѣятельность среди рабочихъ. Молодые соціальдемократы, испытывавшіе сильную нужду въ популярной литературѣ для рабочихъ, естественно стали обращаться съ запросами къ единственной соц.-демократич. организаціи заграницей, къ гр. О. Т. И тутъ сразу обнаружилось, что гр. О. Т., давно уже оторванная отъ русской жизни, не можетъ и не хочетъ удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя ей предъявляютъ дѣятели въ Россіи. Съ первой половины 90-хъ гг., т. е. съ самаго начала превращенія нашего идейнаго марксизма въ соц.-демократическое рабочее движеніе, въ послѣднемъ замѣчается борьба двухъ теченій: одного, исходящаго отъ гр. О. Т., и другого, исходящаго отъ соц.-демократическихъ дѣятелей въ Россіи, борьба, которая никогда не прекращалась, а въ послѣднее время, благодаря появленію Искры и Зари, возгорѣлась съ новой силой.

Желающихъ ближе познакомиться съ внѣшними перипетіями этой борьбы мы отсылаемъ къ одному чрезвычайно любопытному источнику, къ „приложенію“, напечатанному въ брошюрѣ „Отвѣтъ редакціи Раб. Дѣла на письмо П. Аксельрода и Вademекумъ Г. Плеханова“ (1900 г.) и къ брошюрѣ „Два съѣзда“, только-что изданной С. Р. С.-Д. Но насъ теперь интересуетъ не внѣшняя исторія этой борьбы, а внутреннія причины разногласій, которыя всегда существовали между этими двумя теченіями.

Намъ кажется, что ключъ къ выясненію этихъ разногласій далъ недавно самъ Плехановъ въ своей статьѣ „Еще разъ соціализмъ и политическая борьба“ („Заря“ № 1). „Я безусловно настаиваю—говоритъ онъ въ этой статьѣ—только на необходимости политической борьбы, а вопросъ объ ея пріемахъ всегда былъ и остается для меня вопросомъ цѣлесообразности“ (стр. 21). Вы видите: то, что составляло для людей активной революціонной борьбы въ Россіи самый жгучій вопросъ, для Плеханова составляло только вопросъ цѣлесообразности. Соціальдемократическіе дѣятели въ Россіи, естественно, прежде всего интересовались вопросомъ: что дѣлать и какъ дѣлать въ интересахъ развитія политич. борьбы? Группа же О. Т., стоя далеко отъ непосредственной арены борьбы, занимая нѣкоторымъ образомъ лишь позицію обсерваціонную, только предостерегала дѣятелей отъ ошибокъ, указывала имъ лишь, чего не слѣдуетъ дѣлать, чего не слѣдуетъ забывать, и т. д. Такое неестественное отношеніе между гр. О. Т. и соціальдемократами въ Россіи создавало почву для взаимнаго непониманія.

Гр. О. Т., твердя неизмѣнно безспорную истину, что нужно соблюдать въ чистотѣ соц.-демократическіе принципы, этимъ вовсе еще не отвѣчала на вопросы, выдвигаемые практической революціонной работой въ Россіи, а извѣстно, что, если отвѣтъ дается

не на тотъ вопросъ, который васъ въ данный моментъ больше всего занимаетъ, то, хоть бы онъ заключалъ самъ по себѣ безспорную истину, онъ будетъ отвѣтъ неправильный. Такъ нерѣдко обстояло и обстоитъ дѣло съ программными экскурсіями гр. О. Т.

Для примѣра остановимся на указанной уже статьѣ Плеханова. Авторъ ссылается на слѣдующія слова Маркса: „Критика оружія не можетъ быть замѣнена оружіемъ критики, матеріальная сила должна быть свергнута матеріальной силой, но теорія тоже дѣлается матеріальной силой, когда увлекаетъ за собой массы". Это истина одинаково безспорная какъ для Плеханова, такъ и для всякаго россійскаго соціальдемократа. Но практическій революціонный дѣятель, читая это мѣсто, естественно задастся вопросомъ: теорія дѣлается силой, *когда* она увлекаетъ массу, — что же нужно дѣлать, чтобы теорія *увлекала* массу? На этотъ вопросъ Плехановъ не отвѣтитъ, — это для него вопросъ второстепенный, вопросъ цѣлесообразности. Для него изъ словъ Маркса вытекаетъ только тотъ общій выводъ, что слѣдуетъ распространять въ массѣ теорію противоположности интересовъ самодержавія съ ея собственными интересами, слѣдуетъ сѣять въ массѣ недовѣріе къ царизму. Истина это безспорная, но это, какъ мы видѣли, вовсе не есть отвѣтъ на вопросъ, который можетъ въ данномъ случаѣ занимать практическаго революціоннаго дѣятеля. И намъ нетрудно будетъ убѣдиться, насколько Плехановъ далекъ отъ конкретнаго представленія о томъ, какъ положеніе Маркса проводится въ жизнь. Въ самомъ дѣлѣ. Въ другомъ мѣстѣ онъ старается выразить ту же мысль Маркса въ болѣе опредѣленной формѣ. Онъ тамъ говоритъ: „Поскольку мы передаемъ ей (т. е. рабочей массѣ) эти понятія, мы боремся съ царскимъ правительствомъ, и всякій новый успѣхъ нашъ въ этомъ дѣлѣ будетъ новымъ пораженіемъ абсолютизма". Сопоставляя эти слова съ тѣми словами Маркса, на которыя онъ ссылается, мы открываемъ въ нихъ очень значительную разницу. Судя по словамъ Плеханова, мы уже боремся и наносимъ пораженія политическому строю съ того момента, какъ начинаемъ сѣять въ массѣ недовѣріе къ нему, съ того момента, какъ начинаемъ выяснять массѣ характеръ этого политическаго строя. Марксъ же считаетъ начало борьбы съ того момента, когда теорія *увлекла* за собою массу, когда, стало быть, масса активно откликнулась на теорію, когда она выступила или, по крайней мѣрѣ, готова выступить на активную борьбу.

Плехановъ не удѣлялъ особеннаго вниманія законамъ роста и усложненія массовой борьбы. Для насъ наряду и въ связи съ общими принципами, неизмѣнно освѣщающими путь, каждый разъ возникаютъ новыя крупныя тактическія задачи, служащія историческими вѣхами, которыя отмѣчаютъ процессъ роста партіи. Для Плеханова и его единомышленниковъ эти тактическія задачи низводятся на степень второстепенныхъ пріемовъ, примѣненіе которыхъ есть вопросъ случая, вопросъ цѣлесообразности, который, какъ говорятъ нѣмцы, unberechenbar трудно предусмотрѣть. Но практическіе революціонные дѣятели не могутъ такъ легко относиться къ этимъ вопросамъ. Для нихъ напр. далеко не безразлично, читаютъ ли только рабочіе революціонныя книжки и усваиваютъ ихъ содержаніе, или же масса обнаруживаетъ готовность принять участіе въ борьбѣ. Для того чтобы выяснить, какія условія необходимы для вовлеченія массы въ борьбу,—намъ,очевидно, приходится обратиться не къ Плеханову, который для „критики оружія" прибѣгалъ преимущественно къ „оружію критики", — а къ опыту революціоннаго движенія, къ тому наслѣдству, которое намъ досталось отъ нашихъ предшественниковъ. Вспомнимъ судьбу „Колокола" Герцена. Развѣ „Колоколъ" послѣ 61-го года не сѣялъ недовѣрія къ царизму? Развѣ молодежь, читавшая „Колоколъ", не понимала и не усваивала того, что тамъ писалось? И тѣмъ не менѣе, „Колоколъ" ее не увлекалъ на борьбу. Развѣ тѣ либералы, которые передъ польскимъ мятежемъ до дыръ зачитывали „Колоколъ", забыли послѣ мятежа все, что они читали? И тѣмъ не менѣе, значительная часть ихъ повернулась спиной къ Герцену и пошла за Катковымъ. А народовольческая литература послѣ 81-го г. развѣ не обогатилась новыми изданіями? И тѣмъ не менѣе, соціалистическая молодежь, сочувствовавшая Нар. Волѣ, потерявши надежду на поддержку революціоннаго движенія со стороны народа, постепенно теряла революціонный пылъ и энергію и впала къ концу 80-хъ гг. въ политическій индифферентизмъ.

Мы этими словами не хотимъ, конечно, защищать того нелѣпаго положенія, что политическая обличительная литература не имѣетъ значенія. Нѣтъ, она всегда имѣетъ значеніе, но въ матеріальную революціонную силу она превращается подъ однимъ условіемъ. Весь опытъ движенія 60-хъ и 70-хъ гг. намъ подсказываетъ, что *политическая литература въ Россіи можетъ превратиться въ активную революціонную силу лишь тогда, если она идетъ навстрѣчу запросамъ пробуждающагося къ общественной жизни и борьбѣ угнетеннаго слоя народа;* а теорія и практика соціальдемократіи вносятъ сюда поправку: *если она идетъ навстрѣчу запросамъ пробуждающагося къ общественной жизни и борьбѣ пролетаріата.*

Плехановъ намъ скажетъ, что объ этомъ позаботится объективный историческій процессъ. „Революціонныя стремленія", говоритъ Плехановъ, „являются лишь сознательнымъ выраженіемъ безсознательнаго историческаго процесса".*) Развитіе капитализма

*) Плехановъ. О задач. соц. въ борьбѣ съ голод. въ Россіи, стр. 43, Женева, 1892.

въ Россіи и общее соціальное положеніе пролетаріата сами по себѣ его уже дѣлаютъ воспріимчивымъ къ нашей политической пропагандѣ. Да, конечно! Но эта политическая пропаганда лишь тогда *увлечетъ* пролетаріатъ на политическую борьбу, когда объективный историческій процессъ, включающій, между прочимъ, и нашу, соц.-демократическую работу, призоветъ къ жизни рабочее движеніе, когда въ это движеніе будетъ внесено единство и цѣлесообразность, когда пролетаріатъ изъ опыта этого движенія вынесетъ сознаніе своей силы, проникнется вѣрой въ свою историческую роль и когда это сознаніе вдохнетъ въ него энергію для того, чтобы активно реагировать на политическія идеи, а не только пассивно ихъ воспринимать, когда, скажемъ для примѣра, политическая пропаганда найдетъ въ рабочей массѣ такую же почву, какъ нѣкогда соціализмъ у разночинцевъ 60-хъ годовъ. До этого времени политическая пропаганда возможна и полезна, но она не можетъ еще считаться политической борьбой, не можетъ еще считаться началомъ пораженія абсолютизма.

Благодаря тому, что при самодержавномъ режимѣ политическая борьба не отпечатлѣвается въ политическихъ учрежденіяхъ, революціонная традиція въ Россіи нерѣдко обрывается. Это самое случилось съ молодыми соц.д-ческими дѣятелями средины 90-хъ годовъ. Они къ большой невыгодѣ для себя очень мало были знакомы съ революц. опытомъ 70-хъ годовъ. Тѣмъ болѣе знаменательно, что сама логика борьбы заставила ихъ начать съ того же, съ чего начали революціонеры 70-хъ гг.: когда пропаганда въ кружкахъ подготовила извѣстное количество сознательныхъ агитаторовъ—рабочихъ, молодые соц.-демократы приступили къ широкой массовой агитаціи средн рабочихъ для того, чтобы объединить ихъ и развить ихъ классовое сознаніе, сознаніе своей силы.

Что дѣлалъ первый „Союзъ Борьбы“ въ Петербургѣ, къ которому группа О. Т. всегда относилась особенно бережно? В. Засуличъ отвѣчаетъ намъ на этотъ вопросъ въ своемъ заключеніи къ „Десятилѣтію Мор. Стачки“: „Онъ записывалъ подъ диктовку рабочихъ всякія подробности злоупотребленій со стороны хозяевъ, всякія злыя хитрости и обманы насчетъ разцѣнокъ, вычетовъ, браковки, растягиванія безъ конца рабочаго дня,—печаталъ это все въ своихъ листкахъ и распространялъ среди рабочихъ, приглашалъ ихъ защищаться отъ такихъ фабричныхъ порядковъ, которыхъ не могъ бы не признать дурными и самъ государственный совѣтъ“. И объ этой дѣятельности В. Засуличъ отзывается такъ: „Члены „Союза Борьбы“ своими листками и послѣдовавшимъ объединеніемъ рабочихъ подготовили громадныя и дружныя петербургскія стачки, приведшія къ изданію закона, сокращающаго рабочій день. Они сдѣлали великое дѣло, полезное для рабочихъ всей Россіи“.

Такъ смотрѣла тогда на дѣло группа О. Т. Теперь же, бросая ретроспективный взглядъ на исторію, Плехановъ совершенно игнорируетъ значеніе этой организаціонной и агитаціонной дѣятельности соц.-демократіи. Говоря о пріемахъ политической борьбы, онъ въ статьѣ „Еще разъ соціализмъ и политич. борьба“ въ такомъ видѣ изображаетъ схему развитія этихъ пріемовъ: „Теперь мы боремся преимущественно посредствомъ живого и печатнаго слова. Но именно потому, что эти пріемы борьбы въ высшей степени цѣлесообразны, именно потому, что они хорошо вліяютъ на политическое развитіе рабочихъ, у насъ становится возможнымъ употребленіе въ дѣло новаго могучаго пріема: манифестаціи. Событія, имѣвшія мѣсто въ Харьковѣ весною нынѣшняго года, можетъ быть, знаменуютъ собою начало новой эпохи въ исторіи нашей борьбы“. Итакъ, манифестаціи здѣсь ставятся въ связь только съ предшествовавшей устной и печатной политической пропагандой. Здѣсь ни словомъ не намекается на то, какую роль въ подготовленіи майскихъ манифестацій играла экономическая борьба рабочихъ подъ руководствомъ соціальдемократіи, какую роль въ данномъ случаѣ играло пробудившееся у рабочихъ сознаніе своей силы.

Мы очень далеки отъ того, чтобы брать подъ защиту ошибки и промахи, которые дѣлали наши соц.-демократы. Мы такъ же, какъ Плехановъ, отрицательно относимся къ тому, отъ чего, между прочимъ, теперь нигдѣ слѣда не осталось. Мы говоримъ о суживаніи или отодвиганіи политическихъ задачъ, о неосновательной боязни пользоваться всякимъ поводомъ для смѣлаго политическаго обличенія угнетающаго насъ абсолютизма. Мы хотимъ лишь сказать, что соціальдемократія, выступивши рѣшительно на путь экономической агитаціи, тѣмъ самымъ сразу вывела соц.-демократическую дѣятельность изъ узкихъ кружковыхъ рамокъ на широкую общественную арену, тѣмъ самымъ заложила краеугольный камень для развитія классового самосознанія широкихъ слоевъ пролетаріата, для развитія его общественной силы и способности активно реагировать на сложный соціально-политическій механизмъ Россіи. Плехановъ тоже высказывался въ 92 г. (Задачи соц. въ борьбѣ съ голодомъ), что пропаганда есть лишь преддверіе къ агитаціи. Но по его опредѣленію агитація есть лишь массовая пропаганда идей по извѣстному поводу. Въ этомъ смыслѣ онъ рекомендовалъ въ 92 году начать широкую агитацію въ пользу созыва Земскаго Собора. Но его голосъ остался голосомъ, вопіющимъ въ пустынѣ, потому что онъ, сознавая ближайшую цѣль *рабочаго класса*, не могъ указать, какой *первый* рѣшительный шагъ нужно было сдѣлать, чтобъ политически разбудить массу. Массовая агитація за экономичеекія требованія была этимъ первымъ рѣшительнымъ шагомъ. Эта тика имѣла мѣстное и случайное значеніе; она отразилась на

Гос. ударств. публичная историческая библиотека РСФСР

послѣдующей судьбѣ нашего движенія. Относиться къ этой тактикѣ, какъ къ одному изъ многихъ другихъ цѣлесообразныхъ пріемовъ, значитъ совершенно не понимать перспективы развитія рабочаго движенія. Намъ могутъ возразить, что экономическая борьба рабочихъ возникла помимо воздѣйствія соціальдемократіи и раньше этого воздѣйствія. Вѣрно; но борьба эта имѣла характеръ стихійный: нерѣдко рабочіе, сознавая только свои минутные и цеховые интересы, дѣйствовали вопреки интересамъ всего рабочаго класса. Бывали и бываютъ случаи, что рабочіе сами настаиваютъ на удлиненіи смѣны, на неисполненіи фабричныхъ законовъ; бывали и бываютъ примѣры, что ихъ накипѣвшій гнѣвъ обрушивается на евреевъ, монтеровъ изъ иностранцевъ и т. п. Соціальдемократія, взявши въ свои руки руководство этой борьбой, значительно расширяла ее, а главное, вносила въ нее свѣтъ и сознаніе. Руководя этой борьбой, соціальдемократія внушала рабочимъ двѣ великія двигательныя идеи: *что интересы всѣхъ пролетаріевъ солидарны между собой и что пролетаріатъ можетъ разсчитывать только на свою борьбу, на свою собственную силу.* Пролетаріатъ, усваивая эти идеи въ борьбѣ, убѣждался, что онъ — сила, съ которой вынуждено такъ или иначе считаться правительство. Благодаря этому, пролетаріатъ сталъ играть активную политическую роль въ Россіи.

Теперь представители критикуемаго нами теченія указываютъ на то, что экономическая борьба пролетаріата не связана неизбѣжно съ политической борьбой, что увлеченіе этой борьбой можетъ отвлечь соц.-демократію отъ задачъ партіи, можетъ предоставить роль авангарда въ борьбѣ за свободу буржуазной демократіи и сдѣлать рабочую массу ея орудіемъ. Въ сущности этотъ взглядъ есть тотъ же взглядъ авторовъ „credo“; разница только въ томъ, что авторы „credo“ этого желаютъ, а тѣ этого боятся. Но предполагать возможность этого значитъ совершенно игнорировать сущность русскаго политическаго режима: классовая борьба пролетаріата, какъ и всякое соціальное движеніе угнетеннаго слоя народа, находится въ полномъ противорѣчіи съ самодержавнымъ режимомъ и, чѣмъ она сильнѣе развивается, тѣмъ она быстрѣе должна привести къ политическому столкновенію съ этимъ режимомъ. Она ведетъ неизбѣжно къ политич. борьбѣ, даже вопреки политич. робости, или вопреки пренебреженію руководителей ея къ политикѣ. Это подтверждается какъ исторіей бунтарскаго движенія 70-хъ годовъ, такъ и исторіей петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ. Несмотря на то, что петербургскіе соціальдемократы, пользовавшіеся наибольшимъ вліяніемъ на столичную рабочую массу, долгое время замалчивали политическіе вопросы, экономическая борьба петербургскихъ рабочихъ, сопровождаемая постоянной травлей со стороны русскаго правительства, быстро ихъ революціонизировала. По свидѣтельству очевидца-рабочаго,

послѣ выхода 2-го № Рабочей Мысли, за которымъ послѣдовали аресты, между прочимъ, арестъ пишущей машины, многіе рабочіе злорадствовали: „что, дождались!—говорили они,—ишь толстодумы, сектанты, какими дѣлами стали заниматься! Погодите.., узнаете, какъ богородицу читать“. Но настроеніе сѣрой рабочей массы по отношенію къ этимъ толстодумамъ быстро мѣнялось. Послѣ насилія надъ максвельцами въ средѣ неразвитой рабочей массы слышны были уже другіе разговоры, другіе отзывы о Раб. Мысли. Вотъ, напримѣръ, характерный разговоръ двухъ работницъ: „Крокодилъ-то нашъ (директоръ) — говоритъ одна другой — меня въ контору призвалъ; спрашивалъ, пѣтъ-ли какой бумажки. Какъ же, такъ я ему и отдала! Я ее въ раму за стекло повѣшу... И кто это устроилъ! Хотя бы издалека на него, соколика яснаго, посмотрѣть! Навѣрно, онъ такой красивый, задумчивый, съ вьющимися волосами... Глаза, навѣрно, тоже большіе, свѣтлые!“ (см. № 11 Рабочаго Дѣла — „Отвѣтъ рабочаго Искрѣ“). Прошло еще два слишкомъ года, и петербургскіе рабочіе уже упрекали интеллигентовъ за ихъ абсентизмъ, когда они готовились къ манифестаціи.

Мы все это разсказываемъ не для того, конечно, чтобы оправдывать воздержаніе отъ политич. пропаганды среди рабочихъ, котораго придерживались одно время петербургскіе соц.-демократы. Мы того мнѣнія, что нужно всегда путемъ пропаганды будить политическое сознаніе массы: толцыте и отверзется вамъ! Но мы здѣсь говоримъ не о пропагандѣ, а о средствахъ для непосредственнаго вовлеченія массы въ борьбу, и въ этомъ отношеніи мы хотимъ отмѣтить, какую революціонизирующую роль играетъ при русскихъ политическихъ условіяхъ уже сама экономическая борьба подъ руководствомъ соц.-демократіи.

Аксельродъ *) представляетъ себѣ диллему: либо „рабочее движеніе не выходитъ изъ тѣснаго русла чисто экономическихъ столкновеній рабочихъ съ предпринимателями и само по себѣ лишено политическаго характера... рабочія массы... идутъ за буржуазной интеллигенціей и сражаются за свободу подъ чужимъ знаменемъ“; либо же „другая перспектива: соц.-демократія организуетъ пролетаріатъ въ самостоятельную партію, борющуюся за свободу частью рядомъ и въ союзѣ съ буржуазными фракціями (поскольку таковыя будутъ въ наличности), а частью же привлекая прямо въ свои ряды или увлекая за собой наиболѣе народолюбивые революціонные элементы изъ интеллигенціи“ (стр. 19).

Мы представляемъ себѣ другую, болѣе реальную диллему: либо соціальдемократія беретъ на себя непосредственное руководство экономической борьбой пролетаріата и этимъ превращаетъ ее въ

*) См. „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ соціальдемократовъ“, 1898.

революціонную классовую борьбу, которая куетъ политическую силу пролетаріата и косвенно поднимаетъ политическое настроеніе всѣхъ страдающихъ отъ современнаго соціально-политическаго гнета и всѣхъ, кто задыхается въ самодержавномъ режимѣ; либо же другая перспектива: соціальдемократія устраняется отъ руководства экономической борьбой рабочихъ и тѣмъ, съ одной стороны, подсѣкаетъ себѣ крылья, а съ другой—даетъ просторъ стихійности рабочаго движенія, тѣмъ самымъ дѣлая его менѣе опаснымъ для самодержавія.

Мы долго доказывали необходимость для соціальдемократіи руководить экономической борьбой. Мы собственно не думаемъ, чтобы Плехановъ отрицалъ эту необходимость. Почему же между Плехановымъ и соц.-демократическими дѣятелями въ Россіи возникли разногласія на этой почвѣ? Ключъ къ этому мы уже раньше нашли: когда соц.-демократическіе дѣятели въ Россіи искали лучшихъ путей для вовлеченія рабочей массы въ движеніе, въ борьбу, гр. О. Т. не дала имъ отвѣта на вопросъ, что дѣлать, — потому что „пріемы борьбы—для Плеханова—лишь вопросъ цѣлесообразности". А весь вопросъ въ томъ и заключался: какіе именно пріемы теперь *наиболѣе* цѣлесообразны, какой путь *лучшій*. Когда же соціальдемократ. дѣятели въ Россіи сами нашли этотъ *лучшій* путь, гр. О. Т. стала нападать на нихъ за ихъ одностороннее увлеченіе экономическимъ направленіемъ. Г. О. Т. права: одностороннее увлеченіе экономизмомъ вредно. Но на вопросъ: что дѣлать? — нельзя ограничиться указаніемъ, чего не слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ забывать. Тѣхъ, кто жаждетъ дѣла и борьбы, такой отвѣтъ не удовлетворитъ; онъ можетъ лишь породить взаимное непониманіе, и онъ его породилъ. Это непониманіе могло бы исчезнуть, если бъ гр. О. Т. сама стала ближе къ дѣлу, если бъ она тѣснѣе примкнула къ молодымъ дѣятелямъ, а не играла роль одной лишь верховной инспекціи; но этого не случилось. Кто въ этомъ виноватъ, мы не беремся судить.

То же самое повторилось съ вопросомъ о политической агитаціи, съ вопросомъ о частичныхъ политическихъ требованіяхъ.

По мѣрѣ роста рабочаго движенія росли также и фактическія проявленія политической жизни рабочихъ, по существу непримиримыя съ самодержавнымъ строемъ. Рабочіе устраивали стачки: правительство за это „зачинщиковъ" судило, а другихъ преслѣдовало административными карами. Рабочіе читали листки: правительство дѣлало на нихъ облавы. Рабочіе устраивали собранія, вступали въ переговоры черезъ своихъ представителей съ хозяевами и съ фабричной инспекціей: представителей арестовывали, собранія—тоже. Рабочіе волновались: правительство усмиряло ихъ нагайками и даже пулями. Естественно, что вездѣ, гдѣ существовало рабочее движеніе, у рабочихъ возникалъ одинъ и

тотъ же жгучій вопросъ о насущной необходимости свободы собраній, стачекъ, слова и т. д.

Революціонные дѣятели въ Россіи должны были какъ-нибудь реагировать на этотъ общій жгучій запросъ, выдвинутый борьбой пролетаріата, должны были использовать его въ цѣляхъ развитія политической борьбы. Какъ это сдѣлать? спрашивали они себя.

Г. О. Т. по этому вопросу высказалась,—правда, весьма робко; но, по обыкновенію, ея слова не были отвѣтомъ на вопросъ. Аксельродъ въ своемъ „Письмѣ въ редакцію „Раб. Дѣла" отъ 1899 г. говоритъ, что по поводу стачекъ можно требовать свободы слова, собраній и „права при посредствѣ выборныхъ *вліять на законы* страны". Вы видите: здѣсь мысль высказывается не въ болѣе смѣлой формѣ, чѣмъ, напримѣръ, въ 10 № „Рабочей Мысли". Но, вдобавокъ, въ устахъ Аксельрода слово „требовать" вовсе не значитъ серьезно требовать. Въ самомъ дѣлѣ. Еще недавно въ изданіяхъ, въ которыхъ гр. О. Т. принимаетъ близкое участіе, въ связи съ весенними событіями указывалось на нашу неподготовленность для нанесенія окончательнаго удара самодержавію. Но въ такомъ случаѣ требованіе „права вліянія на законы" и т. д. въ устахъ Аксельрода вовсе не могло означать такого требованія, которое выставляетъ борющійся человѣкъ съ сознаніемъ, что онъ за него тутъ же постоитъ и добьется его. Очевидно, что Аксельродъ, предлагая требовать по поводу стачекъ права представительства въ государственномъ управленіи, предлагалъ собственно пропагандировать по поводу стачекъ необходимость для рабочихъ политической свободы. Да онъ это прямо и говоритъ. Пропагандировать эту идею, конечно, можно и должно всегда, такъ же, какъ и идею соціализма. Но вопросъ былъ не въ этомъ, а въ томъ, куда слѣдуетъ направить революціонную энергію, накопившуюся въ рабочей массѣ, что̀ рабочей массѣ дѣлать сейчасъ съ этой энергіей. На этотъ вопросъ мы тщетно искали бы отвѣта у гр. О. Т.: пріемы борьбы для нея—вопросъ цѣлесообразности.

Молодые соціальдемократы сами постарались найти отвѣтъ на вопросъ, выдвинутый жизнью: они, отвѣчая на настроеніе рабочихъ, въ агитаціонныхъ листкахъ стали выставлять требованіе свободы слова, стачекъ и т. д., не упоминая въ этихъ же листкахъ о созывѣ народныхъ представителей. Гр. О. Т. допускала временно подобную ересь даже въ своихъ изданіяхъ.*) Но прошло

*) См. „Современная Россія". Авторъ допускаетъ возможность „фактическаго завоеванія" рабочими въ самодержавномъ государствѣ „конституціоннаго права петицій" (стр. 61—62). Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: „*недалеко то время*, когда мы сможемъ выставить это требованіе (права коалицій) предметомъ борьбы даннаго момента" (стр. 65). Точно также въ другой брошюрѣ, изданной гр. О. Т. — „Красное знамя

нѣкоторое время, и журналъ, который издается при ближайшемъ участіи Г. О. Т., обрушивается на тѣхъ, которые обращались съ такими требованіями къ самодержавному правительству, которое никогда ихъ не выполнитъ. Намъ приходилось уже высказывать свое мнѣніе на этотъ счетъ въ 9-мъ и 10-мъ №№ Рабоч. Дѣла. *) Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что самодержавіе съ частичными политическими правами пролетаріата несовмѣстимо и что настроеніе, вызванное у рабочихъ подавленіемъ этихъ правъ, цѣлесообразнѣе всего должно вылиться подъ руководствомъ соціальдемократіи въ различныя формы массового протеста и массовыхъ демонстрацій во имя этихъ правъ, что такимъ образомъ запросъ, выдвинутый борьбой, можетъ и долженъ быть утилизированъ для учащенія столкновеній между рабочей массой и давящимъ ее политическимъ режимомъ.

Но этого конкретнаго рѣшенія вопроса Г. О. Т. никогда не давала. Напротивъ того, Аксельродъ въ 1899 г. спрашивалъ, гдѣ можно найти хоть намекъ на то, чтобы онъ гдѣ-либо предлагалъ прибѣгать къ уличнымъ манифестаціямъ (см. „Письмо въ ред. Р. Д.“)? Точно такъ же Плехановъ въ указанной нами статьѣ говоритъ, что „представленіе о политической борьбѣ, согласно которому необходимыми ея аттрибутами являются заговоры, кинжалы, бомбы или, *по меньшей мѣрѣ, баррикады и манифестаціи*“ есть „одно изъ тѣхъ ошибочныхъ представленій, которыя унаслѣдованы нами отъ анархизма“. Прибавимъ къ этому перечню еще другія извѣстныя формы борьбы, какъ напр. стачки, разнаго рода коллективныя требованія и протесты, и тогда останется, что единственный необходимый аттрибутъ борьбы есть распространеніе и усвоеніе идей. Такъ можетъ разсуждать только тотъ, кто вполнѣ усвоилъ урокъ Мефистофеля:

Mit Worten lässt sich trefflich streiten,
Mit Worten ein System bereiten.

Плехановъ въ своей статьѣ „Еще разъ соціализмъ и полит. борьба“ указываетъ, что стачка не есть единственный поводъ для веденія агитаціи, что гнетъ надъ народомъ проявляется не только въ отношеніи правительства къ борьбѣ между рабочими и хозяевами, что мы поэтому должны пользоваться всѣми проявленіями самодержавн. режима для развитія политич. сознанія рабочихъ, а такія проявленія чрезвычайно разнообразны: какой-нибудь градонач. Зеленый запрещаетъ простонародью гулять по тротуарамъ, предназначеннымъ для чистой публики—этотъ остатокъ крѣпостничества тѣсно связанъ съ самодержавіемъ. Правительство усмиряетъ студенч. бунты,—это тоже проявленіе самодержавія. Правительство стѣсняетъ развитіе народнаго образованія, расправляется во время волненій народа посредствомъ розогъ; во время частыхъ голодовокъ и неурожаевъ оно не только не является на помощь голодающимъ, но всѣми способами тормозитъ благотворительность. Все это даетъ поводъ къ выясненію политическаго характера нашего режима, всѣмъ этимъ соц.-дем. должны пользоваться для расширенія политическаго сознанія рабочихъ. Это безспорная истина. И теперь въ Россіи не найдется ни одного комитета, который бы въ своихъ изданіяхъ не касался всѣхъ этихъ вопросовъ. Но все это входитъ въ задачи политической пропаганды, хотя бы и массовой. Трудность задачи заключается однако не въ этомъ: передъ борющейся соц.-демократической партіей прежде всего стоитъ вопросъ: какой способъ можно признать *лучшимъ* въ цѣляхъ вовлеченія рабочей массы въ активную политическую борьбу, что̀ нужно преимущественно дѣлать для увеличенія политической силы и политическаго вліянія пролетаріата на общественную жизнь? На этотъ же вопросъ мы у Плеханова, по обыкновенію, отвѣта не находимъ. Въ самомъ дѣлѣ, пролетаріатъ скорѣе всего выступитъ на политическую борьбу по такому поводу, который его больше всего затрогиваетъ, и въ такомъ случаѣ, когда онъ больше можетъ разсчитывать на солидарность въ своихъ рядахъ и на свою силу. Очевидно, что нужно выбрать такой поводъ для борьбы, который можетъ сплотить въ данный моментъ достаточную боевую силу. Голодъ и безработица, когда они принимаютъ острую форму, составляютъ несомнѣнно такое крупное явленіе въ русской соціально-политической жизни, такъ близко затрогивающее интересы трудящагося населенія, что они несомнѣнно могутъ сплотить пролетаріатъ для борьбы, разъ въ немъ уже пробудилась активность и сознаніе своей силы. Студенческія волненія, разъ они вышли изъ узкихъ академическихъ рамокъ и приняли политическую окраску, должны и могутъ встрѣтить активную поддержку въ пролетаріатѣ, разъ онъ предшествующей классовой борьбой пріучился уже къ политическому воздѣйствію на общественную жизнь. Какой нибудь случай истязанія надъ рабочими или тѣлесное наказаніе можетъ при данномъ уровнѣ политическаго развитія рабочихъ вызвать временныя или мѣстныя волненія, а возмутительность циркуляра градонач. Зеленаго можетъ быть хорошо понята рабочими; но подобный цикуляръ за предѣлами Одессы навѣрное никакого движенія не вызоветъ, несмотря на то, что этотъ циркуляръ болѣе типичное и характерное для самодержавія явленіе, чѣмъ напр. безработица.

Какъ мы видимъ, всѣ эти явленія представляютъ далеко не одинаковое значеніе, если на нихъ смотрѣть съ точки зрѣнія орудія для пробужденія политической борьбы пролетаріата. По

въ Россіи“, 1900 г. говорится о постепенномъ расширеніи частичныхъ политическихъ требованій (см. стр. 59).

*) См. статьи Мартынова: „Очередные вопросы“ и „Обличительная литература и пролетарская борьба“.

сравненію съ ними можно найти другую область явленій, которая должна сосредоточить на себѣ главное вниманіе агитатора-соціальдемократа, потому что она создаетъ почву не для временнаго и мѣстнаго, а для постояннаго и систематическаго вовлеченія рабочей массы въ политическую борьбу. Это тѣ явленія, которыя возникаютъ всегда и вездѣ, гдѣ развивается рабочее движеніе и которыя неизбѣжно принимаютъ все болѣе острый характеръ по мѣрѣ того, какъ растетъ это движеніе. Мы имѣемъ въ виду то, о чемъ мы уже говорили, т. е. отсутствіе политическихъ правъ, на которое наталкивается рабочій съ перваго же шага въ борьбѣ за насущнѣйшіе интересы. Эти права по существу своему предполагаютъ гораздо бо́льшую политическую свободу, чѣмъ та, которая имѣется теперь во многихъ конституціонныхъ государствахъ. Мы говоримъ о свободѣ слова, собраній, союзовъ и т. д. Эти свободы, совершенно не совмѣстимыя съ самодержавіемъ, очевидно, обѣщаютъ стать наиболѣе общимъ, постояннымъ и жгучимъ мотивомъ для борьбы между пробуждающимся пролетаріатомъ и отживающимъ свой вѣкъ самодержавнымъ режимомъ. Борясь съ самодержавіемъ во имя этихъ правъ, включающихъ въ себѣ, какъ часть, политическія права другихъ элементовъ общества, пролетаріатъ фактически станетъ авангардомъ въ борьбѣ за демократическую свободу.

Классовая борьба пролетаріата можетъ закончиться только съ полнымъ преобразованіемъ всего соціальнаго строя, съ уничтоженіемъ всѣхъ цѣпей, сковывающихъ человѣчество. Поэтому пролетаріату нужна гораздо болѣе широкая и неограниченная свобода слова и печати, свобода союзовъ и т. д., чѣмъ другимъ общественнымъ слоямъ, интересы которыхъ уже пролетарскихъ интересовъ. Этимъ предрѣшается взаимное отношеніе общественныхъ классовъ въ борьбѣ за свободу. Если тотъ или другой оппозиціонный общественный слой не всегда заинтересованъ въ томъ, чтобы поддержать политическія стремленія пролетаріата, то, наоборотъ, пролетаріевъ сама логика ихъ борьбы за свои классовые интересы побуждаетъ откликаться и поддерживать оппозиціонныя и революціонныя стремленія другихъ слоевъ общества. И мы имѣли случай убѣдиться, насколько классовая борьба русскихъ рабочихъ сдѣлала ихъ отзывчивыми, напр., на борьбу между студентами и самодержавіемъ. Если мы, соціальдемократы желаемъ, чтобы широкіе слои пролетаріата стали играть все болѣе активную и доминирующую роль въ *общей* политической жизни страны, то мы должны твердо помнить, что именно руководство борьбой пролетаріата съ самодержавіемъ за его классовыя политическія права намъ больше всего облегчитъ эту задачу. Вотъ этотъ-то кардинальный вопросъ Г. О. Т. не только не выдвинула, но теперь старается еще затушевать, боясь суженія классового сознанія пролетаріата.

Но этимъ далеко не исчерпывается тактика вовлеченія пролетаріата въ систематическую организованную борьбу съ самодержавіемъ.

Если бы комитеты нашей Партіи имѣли достаточно широкія связи въ рабочей массѣ, если бы они были достаточно сплочены, чтобы выработать единообразную систему дѣйствій, то наша Партія могла бы выставить правительству отъ имени пролетаріата рядъ опредѣленныхъ радикальныхъ требованій для смягченія фабричнаго гнета, для смягченія безработицы и голода, и эти требованія могли бы быть поддержаны рабочей массой и крестьянствомъ посредствомъ разнаго рода политическихъ стачекъ и манифестацій. Наша Партія могла бы выставить единообразныя требованія фабричныхъ законовъ; для смягченія безработицы и голода она могла бы выставить опредѣленныя требованія отчета въ хищнической финансовой политикѣ нашего правительства, широкаго страхованія отъ безработицы на средства капиталистовъ, а не рабочихъ, снятія съ крестьянства податного бремени и поповско-дворянско-чиновничьей опеки.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что наша „россійская держава“, кровно связанная съ интересами эксплуататоровъ народнаго труда, что безконтрольные воры съ министерскими портфелями, вродѣ господъ Вышнеградскихъ, Сипягиныхъ и Витте, которые ловятъ рыбу въ мутной водѣ въ компаніи съ гг. Мамонтовыми, не захотѣли бы, да и не смогли бы удовлетворить въ сколько-нибудь достаточной мѣрѣ подобныя требованія. Такимъ образомъ, сама логика борьбы выдвинула бы передъ народомъ непосредственно вопросъ о конституціонныхъ гарантіяхъ и о народномъ представительствѣ. Когда широкія массы народа борются за свои жгучіе интересы, когда онѣ ясно сознаютъ, чего онѣ требуютъ отъ государства и когда онѣ также ясно видятъ, что настоящая форма государства не можетъ и не хочетъ удовлетворить этимъ требованіямъ, тогда правительство находится на краю гибели. При такомъ настроеніи массы достаточно, чтобы откуда-нибудь заронилась искра, достаточно какого-нибудь политическаго скандала, какого-нибудь яркаго политическаго событія, хотя непосредственно не относящагося къ народной массѣ, чтобы кризисъ разразился...

Какъ же критикуемое нами теченіе относилось и относится къ подобнаго рода тактикѣ организованной борьбы пролетаріата съ государствомъ за радикальныя экономическія требованія? Оно ихъ въ лучшемъ случаѣ игнорируетъ. Для Плеханова и его единомышленниковъ соціальныя бѣдствія служатъ только поводомъ къ политической и соціалистической пропагандѣ, къ критикѣ господствующаго режима, но не поводомъ къ вовлеченію массы въ непосредственную борьбу съ этимъ режимомъ во имя радикальныхъ экономическихъ требованій.

Въ 92 г. Плехановъ въ своей книжкѣ „О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“ *ограничивался* заявленіемъ, что для устраненія этихъ бѣдствій существуетъ одно средство—агитація въ пользу созыва Земскаго Собора. Въ виду современнаго кризиса 7-й № Искры *ограничивается* урокомъ, что „такъ неизбѣжно будетъ продолжаться, пока арміи соціалистическаго пролетаріата не низвергнутъ господства капитала и частной собственности“. Въ виду нашихъ безчеловѣчныхъ фабричныхъ порядковъ 6-й № Искры *ограничивается* заявленіемъ, что ей не надоѣстъ разоблачать истинный смыслъ тѣхъ подачекъ, которыми правительство хочетъ привлечь къ себѣ „тѣхъ, кто послабѣе, поглупѣе и потрусливѣе“, что „не посмѣетъ правительство ничего серьезнаго потребовать отъ капиталистовъ“, „не захочетъ правительство серьезнаго улучшенія быта рабочихъ“, и т. д.

Все то, что говорятъ Искра и Плехановъ, это истина безспорная, которую всегда слѣдуетъ повторять. Но недостаточно обличать порядки, надо еще организовывать силу для ихъ низверженія, а для этого пригодна лишь та тактика, о которой мы говорили.

Если бы въ предѣлахъ настоящаго политическаго и соціальнаго строя невозможно было систематической борьбой одерживать ни малѣйшихъ матеріальныхъ — экономическихъ и нравственныхъ — политическихъ побѣдъ, то внутри этого режима не могла бы созрѣть организованная общественная сила для его низверженія; тогда бы у насъ царили лишь уныніе и пессимизмъ, и мы, сложивши безсильныя руки на пустой груди, должны были бы ждать, покуда естественный процессъ, покуда фатальное банкротство режима не избавило бы насъ отъ кошмара, или же мы должны были бы въ надеждѣ на это банкротство выступить на заговорщическій путь...

IV.

Говоря о разногласіяхъ, которыя возникали всегда между гр. О. Т. и соц.-дем. дѣятелями въ Россіи, мы вездѣ отмѣчали, что они вытекали изъ различной оцѣнки развитія пролетарской борьбы и пролетарской политической силы. Критикуя, часто справедливо, суженіе задачи политической пропаганды, Г. О. Т., съ своей стороны, слишкомъ мало обращала вниманія на ту политическую роль, которую сыграло развитіе пролетарской борьбы подъ руководствомъ соц.-демократіи.

Изданія Заря и Искра, къ которымъ примкнула Г. О. Т., критикуя прошлую дѣятельность соціальдемократіи, умаляютъ результаты рабочаго движенія послѣднихъ лѣтъ, тщатся доказать, что рабочее движеніе въ послѣдніе годы въ общемъ и въ цѣломъ, благодаря заблужденіямъ соц.-демократовъ, сдѣлало шагъ назадъ, что благодаря этимъ заблужденіямъ, рабочему движенію угрожала опасность легализаціи и превращенія въ орудіе буржуазной демократіи.

Всѣ эти утвержденія свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что одностороннее вниманіе, которое эти органы обращаютъ на одну лишь пропаганду, исказило ихъ чувство перспективы по отношенію къ дѣйствительности.

Мы утверждаемъ, что рабочая масса въ Россіи за послѣдніе годы сильно политически развилась. Мы утверждаемъ, что жалкія попытки зубатовскихъ агентовъ легализировать рабочее движеніе свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что правительство съ возрастающимъ безпокойствомъ и даже страхомъ слѣдитъ за ростомъ рабочаго движенія. Эти попытки служатъ лишь подтвержденіемъ, что рабочее движеніе уже теперь приняло угрожающіе размѣры для самодержавнаго правительства. Майскія и другія политическія манифестаціи въ западномъ краѣ, въ Польшѣ, въ Харьковѣ, Кіевѣ, Бѣлостокѣ, Москвѣ и Петербургѣ, въ которыхъ принимали участіе тысячи рабочихъ, — для всякаго, у котораго есть глаза, чтобы видѣть, представляютъ собою гораздо болѣе знаменательное явленіе, чѣмъ затѣи жандармскаго полковника Васильева, чѣмъ фиктивная „независимая еврейская рабочая партія“ въ Минскѣ или письмо Зенченко о соціалъ-бродягахъ.

Мы утверждаемъ, что рабочее движеніе, развившееся подъ руководствомъ соц.-демократіи, не только содѣйствовало политическому развитію рабочихъ, но что оно въ такой же мѣрѣ содѣйствовало повышенію политическаго настроенія всѣхъ демократическихъ слоевъ населенія, повышенію революціоннаго настроенія нашей молодежи и, что особенно интересно, самихъ соціальдемократовъ, руководившихъ этимъ движеніемъ. Мы утверждаемъ, что группа Искры только росту рабочаго движенія обязана своимъ возникновеніемъ; въ 1895—96 году она бы дѣлала то же самое, что дѣлалъ петербургскій „Союзъ Борьбы“, и В. Засуличъ, слѣдя за ея дѣятельностью, говорила бы, что она дѣлаетъ великое дѣло.

Прослѣдите исторію студенческой жизни за послѣднее десятилѣтіе, и вы убѣдитесь, — какъ мы это указывали въ статьѣ „Студенты и самодержавіе“ въ № 6-мъ Листка Р. Д.,—насколько ростъ рабочаго движенія отзывался на студенческой жизни, насколько онъ ускорялъ ея пульсъ. Вы увидите, что въ то время, когда соц.-демократы въ рабочихъ кружкахъ занимались лишь отвлеченной пропагандой теоріи научнаго соціализма и тѣмъ пробуждали въ отдѣльныхъ рабочихъ любознательность, но далеко еще не готовность къ борьбѣ, что въ это самое время студенческая жизнь представляла собою пустыню, на которой выдѣлялись отдѣльные оазисы студенческихъ кружковъ, занимавшихся безко-

нечными словопреніями о теоріи стоимости, объ экономическомъ фетишизмѣ и т. д., словопреніями безусловно полезными, но недостаточными для созданія широкаго общественнаго движенія; вы убѣдитесь, что, когда рабочее движеніе приняло массовые размѣры, въ университетахъ началось массовое студенческое движеніе, по формамъ и пріемамъ прямо копировавшее пріемы тогдашней соц.-демократической агитаціи среди рабочихъ; прокламаціи петербургскаго студенческаго союза 1899 г. были какъ будто списаны съ тогдашнихъ прокламацій, распространявшихся среди рабочихъ.

А потомъ, въ февралѣ настоящаго года, когда въ лучшей части студенчества загорѣлось желаніе бросить смѣлый вызовъ нашему деспотическому правительству, когда грянулъ выстрѣлъ Карповича и непосредственно за этимъ начались демонстраціи съ явно политической окраской, рабочія массы и простонародье первые обнаружили готовность силой поддержать политическіе протесты студентовъ. И если правительство испугалось выстрѣла Карповича, то лишь потому, что этотъ выстрѣлъ нашелъ откликъ въ общественномъ мнѣніи и непосредственно вызвалъ народное волненіе.

Гр. О. Т., относясь недовѣрчиво къ массовому рабочему движенію, не сознавая ясно, какъ въ Россіи въ тѣсной связи съ его ростомъ должны органически расти политическая сила и политическое вліяніе пролетаріата, всегда умаляла значеніе этого политическаго фактора и преувеличивала активную политическую роль другихъ общественныхъ классовъ. Она всегда высказывала преувеличенныя опасенія, какъ бы политическая борьба другихъ классовъ не застигла нашу рабочую массу врасплохъ и не превратила ее въ орудіе чужихъ цѣлей.

Такъ, Плехановъ въ своей книжкѣ „О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ“ предвѣщалъ, что экономическіе интересы крупной и сельской буржуазіи, т. е. кулаковъ, будутъ все болѣе толкать ихъ на борьбу съ самодержавіемъ, хотя бы на борьбу пассивную при помощи „ходатайствъ“ и при помощи народа въ качествѣ пушечнаго мяса.*) Такъ, Аксельродъ предвѣщалъ въ 98 г. „скрытое“ пока, но „огромное“ въ будущемъ революціонное значеніе нашихъ земствъ **) и класса крупныхъ землевладѣльцевъ. ***)

Въ виду угрожающей намъ гегемоміи эксплуатирующихъ

*) См. Плехановъ. „О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“ (стр. 38).

**) См. Аксельродъ. „Къ вопросу о соврем. задач. и тактикѣ русск. соц.-дем.“ (стр. 22—23).

***) Его же. „Историческое полож. и взаимн. отношеніе либер. и соц. демократіи въ Россіи“ (стр. 8, 15).

классовъ въ борьбѣ за свободу Плехановъ считалъ и считаетъ *единственной* задачей соціалистовъ развитіе сознанія пролетаріата для предупрежденія „предательства его интересовъ“. Въ настоящее время Искра изъ аналогичныхъ соображеній исключительно сосредоточиваетъ свое вниманіе на объединеніи путемъ пропаганды всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ слоевъ населенія подъ знаменемъ соціальдемократіи.

Для предупрежденія всякихъ недоразумѣній мы должны сказать, что мы не меньше ихъ цѣнимъ важность развитія сознанія пролетаріата и не меньше ихъ понимаемъ, что *рѣшающую* роль въ послѣдній моментъ борьбы за политическую свободу будетъ имѣть не одинъ лишь пролетаріатъ, но и оппозиціонные слои буржуазнаго общества, которые тѣснѣе всего связаны съ правительствомъ и могутъ его парализовать въ критическій моментъ.

Но во 1-хъ, *центръ тяжести постоянной революціонной силы въ Россіи мы видимъ въ пролетаріатѣ, тѣсно связанномъ съ извѣстной частью наиболѣе революціонной и демократической интеллигенціи.*

Что касается другихъ оппозиціонныхъ слоевъ изъ господствующихъ классовъ, то *въ обычное время* можно больше разсчитывать на ихъ политическіе аппетиты, чѣмъ на ихъ активную политическую борьбу, и аналогія съ французской буржуазіей, на которую ссылается Плехановъ въ упомянутой книжкѣ, очень поверхностна,—такъ же, какъ и предвидѣнія Аксельрода.

Во 2-хъ, мы твердо помнимъ, что *право рождается силой и что для предупрежденія „предательства интересовъ пролетаріата“ мы должны прежде всего заботиться о развитіи организованной политической* **силы** *пролетаріата.*

Для того же, чтобы развить эту силу, соціальдемократія должна непосредственно руководить рабочимъ движеніемъ и отказаться отъ неосновательныхъ опасеній, что участіе въ массовомъ движеніи можетъ исказить наши соціальдемократическіе принципы. Пока фактически революціонное движеніе сосредоточивалось въ одной рабочей средѣ, неправильный взглядъ гр. О. Т. на относительное значеніе активной политической силы разныхъ общественныхъ классовъ былъ безвреденъ: въ то время эти взгляды не могли найти себѣ отклика въ Россіи. Теперь, когда, благодаря росту рабочаго движенія, общее политическое настроеніе повысилось, когда возникла благопріятная почва для общерусской обличительной литературы, пренебреженіе средствами для дальнѣйшаго вовлеченія широкой народной массы въ движеніе было бы пагубно.

Мы должны помнить слова, сказанныя Плехановымъ въ 89 г.: „Русское революціонное движеніе восторжествуетъ какъ рабочее движеніе, или вовсе не восторжествуетъ“.

V.

Подведемъ итоги обнаружившимся разногласіямъ между Союзомъ и дѣйствующими въ Россіи комитетами Партіи, съ одной стороны, и тѣми, которые образовали недавно „Заграничн. Лигу революціонной соціальдемократіи“—съ другой.

1. Органы Заря и Искра приписываютъ огромное значеніе принципамъ и идеямъ, которые сознательные с.-демократы вносятъ въ движеніе. Огромное значеніе этихъ идей — безспорная истина какъ для Союза, такъ и для всѣхъ другихъ комитетовъ Партіи. Но указанные органы обращаютъ недостаточно вниманія на ту силу, на ту энергію, которыя вноситъ въ соціальдемократическое движеніе систематическя борьба пролетаріата — и въ этомъ мы всѣ разойдемся съ Зарей и Искрой.

2. Указанные органы считаютъ, что соціальдемократы борются и *наносятъ пораженіе* существующему строю уже тѣмъ, что они пропогандируютъ свои идеи и сѣютъ недовѣріе къ существущему строю. Мы согласны, что соціальдемократы такимъ способомъ борются съ существующимъ строемъ, но эта борьба начинаетъ наносить пораженія существующему строю лишь тогда, когда въ массѣ наряду съ недовѣріемъ къ нему растетъ вѣра въ свою революціонную силу и революціонная активность, что не всегда совпадаетъ. Мы находимъ, это при современныхъ русскихъ условіяхъ идейная борьба, которую ведетъ соціальдемократія, стала наносить пораженія самодержавію лишь по мѣрѣ того, какъ рабочій классъ сталъ активно откликаться на наши идеи, претворять ихъ въ свой интересъ, формулировать ихъ въ видѣ требованій, за которыя онъ готовъ постоять. Для этого было и впредь будетъ необходимо, чтобы соціалисты не только пропагандировали свои идеи и обличали существующій строй, но чтобы они также руководили классовой борьбой пролетаріата, чтобы они расширяли и объединяли эту борьбу, чтобы они усложняли ея непосредственныя задачи и направляли ее къ соціалистической цѣли.

3. Заря и Искра утверждаютъ, что соц.-демократія должна стоять во главѣ всѣхъ угнетенныхъ и оппозиціонныхъ слоевъ народа въ борьбѣ за свободу, что она должна быть авангардомъ въ этой борьбѣ. Это для насъ была и есть безспорная истина. Но для нихъ это достигается уже тѣмъ, что соц.-демократич. органъ беретъ подъ свою защиту угнетенные и оппозиціонные слои націи противъ самодержавія. Для насъ же соц.-демократія дѣлается революціоннымъ авангардомъ лишь по мѣрѣ того, какъ растетъ активная политич. роль пролетаріата въ общественной жизни.

4. Искра представляетъ себѣ партію какъ группу лицъ „сознательныхъ, надежныхъ, подобранныхъ съ осторожностью“ „сверху внизъ“, руководящую соціальдемократическимъ движеніемъ. Мы

же признаемъ партіей пролетаріатъ, борющійся подъ знаменемъ соц.-демократіи и руководимый демократически организованымъ революціоннымъ авангардомъ. Соц.-демократія, не какъ идейное лишь теченіе, а какъ общественная сила мыслима только какъ соц.-демократическая *рабочая* партія.

5. Искра и Заря находятъ, что дѣятельность мѣстныхъ группъ должна быть объединена въ единой сплоченной с.-демократической партіи; это для насъ была и есть безспорная истина. Но Искра представляетъ себѣ организацію партіи, какъ „сѣть агентовъ“ одного центральнаго литературнаго органа, являющагося верховнымъ безапелляціоннымъ законодателемъ партіи.*) По нашему же мнѣнію, всѣ центральные органы партіи, литературные и административные, должны дѣйствовать по инструкціямъ и подъ контролемъ всѣхъ комитетовъ, руководящихъ *борьбой* пролетаріата.

Смыслъ всѣхъ разногласій заключается въ томъ, что *критикуемое нами теченіе недостаточно понимаетъ и оцѣниваетъ процессъ роста и усложненія пролетарской борьбы и связанный съ нимъ ростъ тактическихъ задачъ соціальдемократіи.* Теперь, когда, благодаря развитію этого процесса и благодаря экономическому процессу, переживаемому Россіей, появилось много революціонныхъ элементовъ какъ въ рядахъ пролетаріата, такъ и внѣ его; теперь, когда возникла особенно благопріятная почва для общерусской обличительной литературы, пренебреженіе дальнѣйшимъ развитіемъ основной революціонной силы въ Россіи тѣмъ болѣе вредно, чѣмъ болѣе оно можетъ найти себѣ откликъ.

Каковы бы ни были наши успѣхи, намъ еще много остается сдѣлать для созданія прочнаго революціоннаго движенія народныхъ массъ. Тотъ, кто пренебрегаетъ средствами, пригодными для этой цѣли, подрываетъ корни, дающіе силу нашему движенію. Въ этомъ заключается отрицательная роль „Искры“.

Когда Искра выступила съ широкимъ политическимъ обличеніемъ, мы могли ее въ этомъ отношеніи лишь привѣтствовать, и мы это дѣлали и продолжаемъ дѣлать. Но, возложивши на себя миссію очищать соц.-демократію отъ всѣхъ, какъ она выражается, „заблужденій“, отъ всего того, что *ей кажется* низкимъ, экономничнымъ и стихійнымъ,—Искра въ излишнемъ миссіонерскомъ рвеніи фактически лишь все болѣе отдалялась отъ рабочаго движенія, — этого главнаго очага активной революціонной энергіи, и безсознательно, можетъ быть, отвлекаетъ оттуда вниманіе и симпатіи нашей молодой революціонной интеллигенціи. Клеймя въ своей фанатической нетерпимости измѣнникомъ соціальдемократіи всякаго, въ чемъ-либо несогласнаго съ ней, она сѣетъ

*) См. № 4-й Искры, Съ чего начать.
*) См. № 9-й Искры.

смуту и дезорганизацію и безсознательно *вредитъ* дѣлу, которому она хочетъ *служить*.

Участіе интеллигенціи въ рабочемъ движеніи составляетъ необходимое жизненное условіе его развитія. Это участіе сулитъ интеллигенту недолгіе мѣсяцы плодотворной революціонной работы и долгіе годы тюрьмы и ссылки, а, можетъ быть, и хуже того. Но *часть* русской интеллигентной молодежи никогда не останавливалась въ выборѣ между тернистымъ и торнымъ путемъ. Къ этой части мы теперь обращаемся съ призывомъ: примкните тѣснѣе къ революціонной борьбѣ русскаго пролетаріата!

Тамъ сила слышится,
Тамъ вольно дышится.

Мартыновъ.

ОПЕЧАТКИ:

Стран.	Стр.	Напечатано:	Должно быть:
17	1 сн.	тактика имѣла мѣстное	тактика имѣла не мѣстное
30	21 св.	это	что
„	22 —	стала	могла
31	30 —	процессу	кризису

Изданіе Союза русскихъ соціальдемократовъ.

Государств. о[illegible]чная историческая библиотека РСФСР

ИЗ КНИГ СТЕПАНА САВВИЧА КРИВЦОВА.

Цѣна 30 сант.

Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, 7.

Женева 1901.

Оин-57372